

Понарина Наталья Николаевна

кандидат педагогических наук,
заведующая учебной частью Армавирского института социального образования
филиала РГСУ
тел.: (918) 417-58-33

Истоки развития глобализации

Аннотация:

В статье анализируется глобализация в историческом контексте, глобализирующие тенденции в развитии общества, движущие силы глобализации, анализ причин послуживших началом глобализации.

Ключевые слова: изменение восприятия пространства и территории, территориальное сжатие, закон «ускорения», уплотнение пространства, уничтожение расстояний, глобализирующие тенденции.

Термин «глобализация» получил широкое распространение только в последние двадцать пять лет, однако в академических кругах это понятие начали использовать еще в 70-х гг. прошлого века [1].

Охватывая широкий спектр политических, экономических и культурных тенденций, термин «глобализация» быстро стал модным словом в политических и академических дискуссиях. Обычно глобализацию понимают не более как синоним одного или более феноменов: проведение классической либеральной политики (или политики «свободного рынка») в мировой экономике («экономическая либерализация»), растущее доминирование западных или даже американских форм политической, экономической или культурной жизни («вестернизация» или «американизация»), распространение новых информационных технологий («революция Интернета»), а также представление о том, что человечество стоит на пороге создания единого сообщества, в котором основные источники социальных конфликтов перестали существовать (произошла «глобальная интеграция»). Изменения во временном характере человеческой деятельности неизбежно порождают иное восприятие пространства или территории. Исследователи глобализации расходятся во мнениях по поводу источников последних сдвигов в пространственных и временных контурах жизни человека. Однако они обычно едины в том, что изменения в человеческом восприятии пространства и времени уменьшают важность местных и даже государственных границ во многих областях человеческой деятельности.

В 1839 г. английский журналист писал о поездке по железной дороге, что «по мере того, как расстояние уничтожается, территория нашей страны будет как бы сокращаться в размере до тех пор, пока не станет чуть больше огромного города» [2, р. 242]. Несколькоми годами позднее Генрих Гейне испытал нечто подобное, когда заметил, что «пространство железными дорогами убивается. У меня ощущение, что горы и леса всех стран надвигаются на Париж. Даже теперь я чувствую запах немецких лип; волны Северного моря бьются о мой порог» [3, р. 34]. Другой немецкий эмигрант, Карл Маркс, в 1848 г. сформулировал первое теоретическое обоснование смысла территориального сжатия, которое так восхитило его современников. Согласно Марксу, требования капиталистического производства неизбежно заставляли «буржуазию гнездиться везде и устанавливать связи повсюду». Мощь индустриального капитализма являла собой главный источник технологий, приведших к устранению пространства и проложивших путь к «связям во всех направлениях, к универсальной взаимозависимости наций» в отличие от узколобого провинциализма, глумившегося

над человечеством в неизвестных целях [4, т. 4]. Несмотря на то, что новые технологии использовались как средства капиталистической эксплуатации, они увеличивали возможности общения людей из разных стран и, в конечном итоге, были прогрессивной силой в истории. Они обеспечивали формирование необходимой инфраструктуры будущей космополитической цивилизации, которая должна возникнуть в пролетарской революции, ниспровергающей систему капиталистической эксплуатации.

Европейские интеллектуалы едва ли были одиноки в своих представлениях о территориальном сжатии, о чем свидетельствует ключевая роль, которую в начале XX в. сыграли интеллектуалы американские. В 1904 г. хорошо известный в США писатель Генри Адамс говорил о существовании «закона ускорения», имеющего большое значение для социальных исследований в области быстро изменяющихся пространственных и темпоральных контуров человеческой деятельности. Современное общество можно правильно понять только тогда, когда наблюдающемуся ускорению технологических и социальных процессов будет уделено в социологическом и историческом анализе особое внимание [5]. В 1927 г. американский философ Джон Дьюи утверждал, что экономические и технологические тенденции предполагают возникновение «нового мира», не менее значимого, чем открытие Америки в 1492 г. Для Дьюи изобретение пара, электричества и телефона стало колоссальным вызовом для относительно статичных и однородных форм местной общественной жизни, долгое время являвшихся главной сферой человеческой деятельности. Экономическая деятельность во все большей степени стала выходить за рамки местных общин, а с появлением пароходов, железных дорог, автомобилей и самолетов значительно увеличилась географическая мобильность людей. Однако Дьюи пошел дальше обсуждения изменяющихся темпоральных и пространственных контуров человеческой деятельности и высказал идею, что уплотнение пространства поставило фундаментальные вопросы перед демократией. Дьюи отметил, что малые политические общины, имеющие огромное значение для эффективного демократического участия населения в управлении, все более отодвигались на периферию взаимосвязанного мира. Пересекающие границы социальные связи сделали местные формы самоуправления неэффективными. Дьюи задавал вопрос: «Как может быть организовано общество, если оно буквально не стоит на месте?» [6, р. 140]. Если демократическое сообщество предполагает, как минимум, возможность действовать сообща с другими, как оно может поддерживаться в социальном мире, который получил потрясающие возможности в плане мобильности? Новые высокоскоростные технологии придали социальной жизни подвижный и нестабильный характер, о чем свидетельствовало ускорение изменений и преобразований во многих областях деятельности (особенно в экономике) и относительное непостоянство там социальных отношений.

Не прекращающееся распространение высокоскоростных технологий – это, по-видимому, основная тема, упоминаемая интеллектуалами, начиная с 1950 г. Канадский политолог и социолог Маршалл Маклуэн поднял тему «глобальной деревни», созданной социальным «ускорением на всех уровнях человеческой организации», и в 1960-х провел анализ новых медийных технологий [7, р. 103]. Утверждая в 1970-х и 1980-х, что недавние сдвиги в пространственных и темпоральных контурах социальной жизни обострили авторитарные политические тенденции, французский социолог Поль Вирильо, похоже, подтвердил многие из опасений Дьюи относительно упадка демократии. Согласно его анализу, требования к ведению современной войны и системам вооружения усиливают исполнительную власть и ослабляют законодательную. Таким образом, сжатие территории открыло путь для создания чрезвычайного правительства с преобладанием у него исполнительной власти [8]. Но, вероятно, именно немецкий философ Мартин Хайдеггер наиболее ясно предвидел современные дебаты о глобализации. Хайдеггер не только говорил об «уничтожении расстояний» как важной черте современного мира, но и связывал недавние изменения в пространственном опыте с не менее фундаментальными изменениями в

темпоральности человеческой деятельности: «Все отрезки во времени и расстояния в пространстве сокращаются. Теперь человек за ночь достигает мест, до которых раньше можно было добраться за недели и месяцы путешествия» [9, p. 165]. Кроме того, Хайдеггер еще в 1950 г. точно предсказал, что телекоммуникационные и информационные технологии вскоре откроют новые возможности для быстрого расширения *виртуальной реальности*: «Удаленные районы самых древних цивилизаций показываются на пленке, как если бы они в этот самый момент находились в гуще сегодняшнего дорожного движения... Пик этого устранения любой возможности отдаленности достигается с помощью телевидения, которое скоро будет доминировать во всей системе коммуникаций». Тон описания Хайдеггером растущих возможностей одновременности и мгновенности в человеческом опыте в конечном итоге оказался не менее тревожным, чем взгляды его предшественников.

Помимо этих аспектов, исследуются различные коннотации понятия «глобализация», и оно рассматривается в историческом контексте. В теоретических и эмпирических исследованиях глобализации в основном делается акцент на следующих вопросах: действительно ли она происходит, приводит ли она к конвергенции, подрывает ли она авторитет национальных государств, разрушает ли она жизнеспособность государства, отличается ли она от модерности и создается ли глобальная культура?

Что же представляет собой глобализация?

Глобализация – это процесс увеличения потока товаров, услуг, денег, людей, информации и культуры, распространяющегося далеко за пределы отдельных государств. «Деньги, технологии, товары, информация, яды «перешагивают» границы, словно их вовсе не существует» [10, с. 43]. Социолог Энтони Гидденс [11] предлагает рассматривать глобализацию как разделение или «дистанцирование» пространства от времени, двух измерений, которые, согласно «современному» видению мира, неразрывно связаны друг с другом. Развивая эту тему, географ Дэвид Харви и политолог Джеймс Миттельмае [12] отмечают, что глобализация приводит к «уплотнению» пространства и времени, сжиманию мира. Социолог Мануэль Кастельс делает акцент на информационных аспектах глобальной экономики, когда определяет ее как «экономику, способную функционировать как единое целое в реальном времени в планетарном масштабе». М.Г. Делягин связывает начало глобализации с информационной революцией начала 90-х гг.: «Глобализация представляет собой процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом ее отличие от интеграции, высшей стадией которой она является: интеграция была и в ледниковый период, глобализация же началась в 90-х гг. XX века» [13].

Исследователь в области менеджмента Стивен Кобрин [14] считает, что движущей силой глобализации является не внешняя торговля и инвестиции, а увеличение технологических возможностей, союзов между компаниями и информационных потоков. Политолог Роберт Гилпин определяет глобализацию как «усиление взаимозависимости национальных экономик в торговле, финансах и макроэкономической политике» [15, p. 389]. Социолог Роланд Робертсон считает, что глобализация – «это сжатие мира и интенсификация осознания мира как целого» [16, p. 8]. Робертсон отмечает, что «аналитически, глобализация включает в себя серию динамических отношений между обществом, личностями, международной системой и человечеством. Эмпирически, глобализация является соединением различных форм жизни». Глобализирующие тенденции в развитии общества связаны с его модернизацией и информатизацией, а также с мировоззрением человека. Социолог Мартин Олбруу определяет глобализацию как «распространение практик, ценностей и технологий, влияющих на жизнь людей во всем мире» [17, p. 88]. Томас Л. Фридман исследовал воздействие глобализирующего «выравнивания» мира и утверждает, что глобализация торговли, аутсорсинг, формирование цепочки поставки и политические силы постоянно меняют мир и в лучшую, и в худшую сторону. Он также отмечает, что

темп глобализации ускоряется, продолжая оказывать растущее влияние на организацию бизнеса и практику [18, р. 49].

Мы предлагаем объединить точки зрения Робертсона, Олброу, Фридмена и рассматривать глобализацию как процесс, ведущий к большей взаимозависимости и большей осведомленности друг о друге среди экономических, политических и социальных организаций во всем мире и среди акторов в целом. Это отражательное свойство глобализации подчеркивается как Гидденсом, так и Уотерсом [19, р. 63].

Однако глобализация – это также идеология со множеством значений и родословных. Иногда ее связывают с неолиберализмом и технократическими подходами к экономическому развитию и реформам [20]. Глобализация связана также с международными сетями по защите прав человека, окружающей среды или мира.

По поводу начала процесса глобализации также существуют различные мнения. Можно предположить, что глобализация началась на заре истории. Г. Терборн [21] насчитывает в историческом времени человечества шесть «волн» глобализации, самую раннюю из которых он связывает с экспансией мировых религий в III-VII вв. н.э. Однако в научной литературе преобладает тенденция датировать ее в истории Запада более поздним периодом. Некоторые историки, например Б. Мазлиш, указывают на глобализационное значение первого кругосветного плавания в 1519–1521 гг. Другие утверждают, что началом глобализации стало расширение европейского капитализма в XVI веке [22, р. 2–4]. И. Валлерстайн [23, р. 35] рассматривает глобализацию как социальный процесс, связанный с формированием мировой системы капитализма, начавшийся в XVII в. в Западной Европе, породивший технологические инновации и рост торговой системы. Некоторые историки экономики считают, что расцвет международной торговли и инвестиций пришелся на конец XIX и начало XX в., период, предшествовавший Первой мировой войне и Великой депрессии, которые побудили мир вести протекционистскую политику [24].

Третья группа ученых считает началом глобализации конец Второй мировой войны, наступление ядерного века, обретение колониями независимости, возобновление расширения торговли и инвестирования и экономический подъем Северо-Восточной Азии [25]. Можно также предположить и другие аспекты, послужившие началом глобализации.

С. Кобрин [26] проводит различие между интернационализацией торговли и капиталовложений в XIX в. и информационными связями в глобализации XX в.

Таким образом, нет единого мнения по поводу того, с кого началась глобализация – с Магеллана и Меркатора, Джеймса Уатта и капитана Кука, Никсона и Киссинджера или Тэтчер и Рейгана, точнее, с чего следует начинать повествование о глобализации.

Одна из проблем, осложняющих изучение феномена глобализации, состоит в том, что она представляет собой далеко не единообразную тенденцию и не является неким императивом. Скорее, глобализация носит фрагментарный, неполный, прерывистый, случайный и во многом противоречивый характер. Она даже превращается в рутинный процесс функционирования и воспроизводства социальной системы. Это дало основание говорить Йенсу Бартельсону об исчерпании эвристического потенциала понятия «глобализация» и его тривиализации.

Исследователи также отмечают комплексный и многоуровневый характер глобализации, их также интересуют ее экономические, финансовые, социальные, политические показатели. Если взять, например, экономические показатели, то за период с 1979 по 1995 г. прямые иностранные инвестиции выросли почти в два раза и более, чем в три раза в развивающихся странах, распространяясь как на сектор обслуживания, так и производства. Напротив, экспорт и импорт товаров не поспевал за общим ростом мировой экономики, хотя экспортно-импортные операции стали в развивающихся странах более значительными. В области финансовой глобализации обстановка более однозначна: с 1979 по 1995 г. объем продаж в иностранной валюте увеличился в восемь раз по отношению к мировому валовому внутреннему продукту (ВВП), а международные банковские кредиты и активы увеличились более чем вдвое в

процентах от мирового ВВП.

Также быстро увеличиваются некоторые ключевые показатели социального обмена через границы, в том числе туризм и общение по телефону. Международная миграция хотя и повышается, но еще не достигла значительно уровня по отношению к населению в мире. Глобализации способствует также увеличение числа национальных государств – от 157 членов ООН в 1980 г. до 184 к 1995 г. И все больше этнических групп стремятся создать собственное государство – палестинцы и курды, баски и каталонцы, шотландцы и валлийцы, корсиканцы и жители провинции Квебек [27]. Между тем, число международных организаций увеличилось с 1980 г. втрое. Среди международных пропагандистских и правозащитных групп быстрее всего увеличивалось число тех из них, которые занимались правами женщин и выступали в защиту мира [28, р. 11]. А в 1990-е Интернет ускорил экономический, политический и культурный обмен через границы в степени, которую трудно измерить, но, безусловно, в огромной.

В экономической, социологической и политической литературе произошел буквально взрыв публикаций на тему глобализации. В общественных науках проблемами глобализации первой стала заниматься социология. Возможно, самая поразительная особенность литературы о глобализации – это не ее количество, а удивительное разнообразие авторов, пишущих на эту тему: от социологов до исследователей постмодернизма и консультантов по менеджменту.

Ссылки:

1. Modelski G. *Principles of World Politics*. N.Y., 1972.
2. Harvey D. *Justice, Nature, & the Geography of Difference*. Oxford, 1996.
3. Schivelbusch W. *Railroad Space and Railroad Time* // *New German Critique*. 1978. № 14.
4. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
5. Adams H. *The Education of Henry Adams*. N.Y., 1931.
6. Dewey J. *The Public and Its Problems*. Athens, 1927.
7. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. N.Y., 1964.
8. Virilio P. *Speed and Politics*. N.Y., 1986.
9. Heidegger M. "The Thing," in *Poetry, Language, Thought*. N.Y., 1971.
10. Бек У. *Что такое глобализация?* М., 2001.
11. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990. P. 64 ; Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge, 1991. P. 21.
12. Mittelman J.H. *The Dynamics of Globalization* // *Globalization: Critical Reflections*, edited by James H. Mittelman. Boulder, 1996. P. 1–19.
13. Делягин М. Мы можем не только выжить, но и извлечь из процесса стратегическую выгоду. URL: <http://2002.novayagazeta.ru>.
14. Kobrin S.J. *The Architecture of Globalization: State Sovereignty in a Networked Global Economy* // *Governments, Globalization, and International Business*, edited by John H. Dunning. N.Y., 1997. P. 147–148.
15. Gilpin R. *The Political Economy of International Relations*. Princeton, 1987.
16. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, 1992.
17. Albrow M. *The Global Age*. Stanford, 1997.
18. Friedman T.L. *The Dell Theory of Conflict Prevention*. Emergin: A Reader / Ed. Barclay Barrios. Boston: Bedford, St. Martins, 2008.
19. Waters M. *Globalization*. N.Y., 1995.
20. McMichael P. *Development and Social Change: A Global Perspective*. Thousand Oaks, 1996. P. 177 ; Centeno M.A. *Democracy within Reason: Technocratic Reform in Mexico*. University Park, 1997.
21. Therborn G. *Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance* // *International Sociology*. 2000. № 2.
22. Waters M. *Globalization*.

23. Wallerstein I. *The Rise and Future Demise of the of the World-Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis*. *Comparative Studies in Society and History* / Wallerstein, I. N.Y., 1974.

24. Williamson J.G. *Globalization and Inequality, Past and Present* // *The World Bank Research Observer*, 1997, 12(2) (August). P. 117–35.

25. Gilpin R. *The Political Economy of International Relations*. Princeton, 1987. P. 341–344 ; Kennedy P. *Preparing for the Twenty-First Century*. N.Y., 1993. P. 47, 50 ; McMichael P. *Development and Social Change: A Global Perspective*. Thousand Oaks, 1996 ; Guillén M.F. *The Limits of Convergence: Globalization and Organizational Change in Argentina, South Korea and Spain*. Princeton, 2001.

26. Kobrin S.J. *The Architecture of Globalization: State Sovereignty in a Networked Global Economy* // *Governments, Globalization, and International Business*, edited by John H. Dunning. N.Y., 1997. P. 147–148.

27. Geertz C. *The World in Pieces: Culture and Politics at the End of the Century* // *Focaal: Tijdschrift voor Antropologie*, 1998, 32. P. 91–117.

28. Keck M.E., Sikkink K. *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*.